

SOPHIE KINSELLA

My **not** so perfect life

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
ДРУГИЕ КНИГИ
СОФИ КИНСЕЛЛЫ**

- А ты умеешь
хранить секреты?
- Я — твой должник

СОФИ КИНСЕЛЛА

Моя **не** идеальная жизнь

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К41

Sophie Kinsella
MY NOT SO PERFECT LIFE
Copyright © 2017 by Madhen Media Ltd.
All rights reserved.

Перевод с английского *Е. Фрадкиной*

Художественное оформление и иллюстрация
на переплете *Е. Окольциной*

Кинселла, Софи.

К41 Моя [не]идеальная жизнь : [роман] / Софи Кинселла ; [перевод с английского Е. Фрадкиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-107289-6

Кэт Бреннер — энергичная, талантливая, очаровательная сотрудница маркетингового агентства. Она многого добилась: переехала в город мечты, нашла любимую работу и не намерена останавливаться на достигнутом. Кэт обожает демонстрировать свои успехи в Instagram на зависть другим.

Но это только одна сторона действительности, пропущенная через радужные фильтры. На самом деле жизнь Кэт Бреннер не так уж и прекрасна. Она одинока в чужом городе, не ладит с соседями в тесной квартирке, на съем которой тратит практически всю зарплату. И страдает от того, что не может сделать жизнь такой же идеальной, какой она выглядит в социальных сетях. Но, может, количество лайков, стильные вещи и дизайнерские украшения — это не то, что делает тебя счастливым? Кэт скоро поймет, что из моды выходит все, кроме любви.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-107289-6

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ники Кеттеди

Часть 1

Глава 1

Первое: могло быть и хуже. Да, сообщение могло быть гораздо хуже, и об этом следует помнить. Второе: оно того стоит. Я *хочу* жить в Лондоне, *хочу* здесь работать, а сообщение — часть сделки. Это неотъемлемая часть Лондона, как Тейт Модерн.

(На самом деле ничего похожего на Тейт Модерн. Неудачный пример.)

Мой папа всегда говорит: если ты не можешь бежать вместе с большими собаками, сиди у крыльца. А я хочу бежать вместе с большими собаками — и поэтому я здесь.

В любом случае я даже получаю удовольствие от двадцатиминутной прогулки к станции. Серый декабрьский воздух колом стоит в горле, но мне хорошо. День начался. Я в пути.

Мое пальто достаточно теплое, хотя оно стоит всего 2,99 фунта и куплено на блошином рынке. На нем был ярлык «КРИСТИН БИОР», но я срезала его, как только вернулась домой. Там, где я работаю, нельзя носить пальто с ярлыком «Кристин Биор». У вас должен быть винтажный ярлык «Кристиан Диор» или что-нибудь японское. Ярлыка может и не быть, если вы сами шьете себе одежду из ретротканей, купленных в «Алфиз Антикс».

Но только *не* «КРИСТИН БИОР»!

Когда я приближаюсь к Кэтфорд-Бридж, то начинаю напрягаться. Я *действительно* не хочу сегодня опазды-

вать. Мой босс теперь отпускает колкие замечания насчет людей, которые «никогда не торопятся». Поэтому я вышла на двадцать минут раньше — на случай, если выдастся плохой день.

И я уже понимаю: день просто ужасный.

В последнее время с нашей линией много проблем, и то и дело без предупреждения отменяют поезд. Беда в том, что в Лондоне в час пик нельзя просто так *отменить поезд*. Что остается делать людям, которые планировали сесть на этот поезд? Испариться?

Проходя через автомат, сразу вижу ответ. Люди толпятся на платформе, поглядывая на табло с информацией и бросая друг на друга враждебные взгляды.

О боже! Наверное, отменили по крайней мере два поезда. Похоже, набралось народу на целых три поезда, и вся эта толпа сгрудилась у края платформы. Сейчас середина декабря, но здесь и не пахнет Рождеством. Все слишком напряженные и замерзшие, и на них как бы написано крупными буквами: «Понедельник». Единственные праздничные штрихи — это жалкие китайские фонарики и объявления на стене о работе транспорта в рождественские каникулы.

Собравшись с духом, присоединяюсь к толпе и, когда на станции появляется поезд, с облегчением вздыхаю. Не то чтобы я надеялась *сесть* в этот поезд. (Сесть в первый поезд? Не смешите меня!) К запотевшим окнам прижаты изнутри лица людей, а когда двери открываются, выходит всего одна женщина, изрядно помятая.

Но несмотря на это, толпа бросается вперед. Каким-то образом часть людей втискивается в поезд, и тот отъезжает. Я немного продвинулась вперед на платформе. Теперь мне только нужно удерживать свои позиции и ни в коем случае не позволять этому тощему парню с волосами, смазанными гелем, пролезть передо мной. Я вынула из ушей наушники, чтобы слушать объявления, и стою насмерть.

В лондонском транспорте — как на войне. Это постоянная борьба за захват территории, за каждый дюйм. Здесь ни на минуту нельзя расслабляться: если расслабишься, кто-нибудь прошьмыгнет мимо тебя. Или наступит *на* тебя.

Ровно через одиннадцать минут подходит второй поезд. Я устремляюсь вперед вместе с толпой, стараясь не обращать внимания на саундтрек из сердитых возгласов: «Вы можете пройти вперед?», «Внутри есть место!», «Нужно всего лишь пройти вперед!».

Я заметила, что у людей внутри поезда совершенно другое выражение лица, чем у тех, кто на платформе. Особенно у тех, кому удалось занять сидячее место. Они словно перевалили через горы в Швейцарию. У них виноватый взгляд, но в нем читается вызов: *«Я знаю, что вы там, снаружи; я знаю, что это ужасно, — а я уютно устроился внутри. Но я тоже страдал, так что дайте мне спокойно, без этих чертовых угрызений совести, чистить мой Kindle, о'кей?»*

Толпа волнуется, и вдруг кто-то подталкивает меня. Я чувствую у себя на спине пальцы — и вдруг ступаю на пол вагона. Теперь мне нужно ухватиться за какую-нибудь железяку и использовать ее в качестве рычага. Как только ты одной ногой в поезде — считай, что уже внутри.

Мужчина у меня за спиной, по-видимому, очень сердит: я слышу, как он громко ругается. И вдруг позади меня прокатывается что-то вроде людского цунами. Я испытала это всего пару раз, и это было ужасно. Меня тащит вперед, и я не касаюсь ногами пола. Когда двери поезда закрываются, я оказываюсь втиснутой между двумя парнями — один в костюме, второй в трексьюте¹ — и девушкой, которая ест панини.

¹ Специальный костюм для парашютного спорта. — *Здесь и далее прим. пер.*

Нас так плотно прижало, что девица держит панини примерно в двух дюймах от моего лица. Каждый раз, как она откусывает, мне в нос ударяет запах песто. Но я старательно не обращаю внимания. И на девушку. И на двоих мужчин. Хотя я чувствую теплое бедро парня в трексьюте и могу сосчитать жесткие волоски у него на шее. Когда поезд приходит в движение, нас постоянно стучает друг о друга. Но никто не смотрит в глаза друг другу. Я думаю, если в метро на кого-нибудь посмотришь, то вызовут полицию.

Чтобы отвлечься, пытаюсь спланировать остаток своего маршрута. Когда я прибуду на Ватерлоо-Ист, нужно выбирать между Джубили-Дистрикт (на это уйдет сто лет), Джубили-Сентрал (придется долго идти от метро) и Оверграунд (еще дальше).

Да, если бы я только *знала*, что в конечном счете буду работать в Чизвике, то не стала бы снимать квартиру в Кэтфорде. Но я приехала в Лондон на стажировку в его восточной части. (В объявлении это место называли «Шордич», но это не Шордич.) В Кэтфорде низкие цены, и он расположен не слишком далеко. А теперь мне просто не по карману цены западной части Лондона, да и сообщение не *такое* уж плохое...

— Ай! — вскрикиваю я, когда поезд резко дергается.

Меня швыряет вперед. Девушку тоже швыряет, и не успеваю я оглянуться, как в мой открытый рот попадает конец ее панини.

Я в таком шоке, что никак не могу прийти в себя. У меня во рту полно теплого рыхлого теста и подтаявшей моцареллы. Как же такое могло произойти?

Мои зубы инстинктивно сжимаются, и я тут же жалею об этом. Хотя... Что же мне еще оставалось делать? С полным ртом смотрю на нее.

— Простите, — бормочу я, но выходит «потите».

— Какого черта? — обращается к вагону девушка, не веря своим глазам. — Она же ворует мой завтрак!

Я вся покрываюсь испариной. Это плохо. *Плохо*. Что же мне теперь делать? Откусить от панини? (Нехорошо.) Просто выпустить изо рта? (Еще хуже.) Из этой ситуации нет никакого выхода.

Наконец я откусываю кусок от панини, и мое лицо горит от смущения. Рот набит чужим клейким хлебом, и мне приходится жевать под взглядами всего вагона.

— Мне действительно жаль, — неловко извиняюсь я перед девушкой, как только удается проглотить несчастный кусок. — Надеюсь, вы с удовольствием съедите остальное.

— *Теперь* он мне не нужен. — Она злобно смотрит на меня. — На нем теперь ваши микробы.

— Ну, мне ваши микробы тоже не нужны! Моей вины тут нет: я просто упала на панини.

— Ах, вы *упали!* — повторяет она со скептическим видом.

— Да, конечно! А вы вообразили, что я сделала это *нарочно?*

— Кто знает? — Она заслоняет рукой панини, словно я могу броситься и откусить еще один кусок. — В Лондоне полно всяких странных людей.

— Я не странная!

— Можешь упасть на *меня*, дорогая, — с ухмылкой предлагает парень в трексьюте. — Только не жуй, — добавляет он, и весь вагон хохочет.

Я заливаюсь краской, но не собираюсь реагировать. Фактически инцидент исчерпан.

Следующие пятнадцать минут я сурово смотрю прямо перед собой, замурававшись в своем маленьком замкнутом мирке. На Ватерлоо-Ист все мы вываливаемся из поезда, и я с облегчением вдыхаю холодный дымный воздух. Быстрым шагом направляюсь к метро, выбрав Джубили-Дистрикт. В дверях я присоединяюсь к толпе и, бросив взгляд на часы, тяжело вздыхаю. Я доби-

раюсь уже сорок пять минут, но до места назначения еще далеко.

Когда кто-то наступает мне на ногу острым каблучком, передо мной вдруг возникает картинка из прошлого. Я вижу, как папа открывает дверь нашей кухни, выходит во двор, широко раскидывает руки, словно обнимая поля и бескрайнее небо, и говорит: «Самое быстрое сообщение в мире, дорогая. Да, самое быстрое сообщение в мире». Когда я была маленькой, то не знала, что он имеет в виду, но теперь...

— Проходите! Вы будете проходить *вперед*? — Мужчина у меня за спиной орет так оглушительно, что я вздрагиваю.

Состав прибыл, и, как обычно, начинается борьба между теми, кто внутри вагона, и теми, кто снаружи. Первые полагают, что он полностью забит, а последние прикидывают опытным взглядом, что в вагон легко могут войти еще человек двадцать.

Наконец я влезаю в вагон, а потом с боем выхожу у Вестминстер. Там жду поезда линии Дистрикт и медленно тащусь в нем до Тэрнхем-Грин.

Выйдя из метро, я смотрю на часы и пускаюсь бегом. Черт возьми! У меня меньше десяти минут.

Наш офис — большое светлое здание под названием Филлимор-Хаус. Ближе к цели перехожу на шаг, но сердце все еще бешено колотится. Я натерла мозоль на левой пятке, но главное — я это сделала! Я пришла вовремя. Как по волшебству, лифт ждет, и я вхожу в него, пытаясь пригладить волосы. Они растрепались, когда я неслась как сумасшедшая по Чизвик-Хай-Роуд. В целом на дорогу ушло час двадцать минут. А могло быть хуже...

— Подождите!

При звуках этого властного голоса я холодею. Через вестибюль шагает знакомая фигура. Длинные ноги, сапоги на высоком каблучке, байкерская курточка и корот-

кая оранжевая юбка. И сразу же одежда на всех остальных в лифте становится старой и убогой. Особенно моя черная юбка-джерси за 8,99 фунта.

У нее изумительные брови. Некоторым людям от рождения даны изумительные брови, и она одна из них.

— Кошмарная дорога, — говорит она, входя в лифт. У нее хрипловатый поставленный голос, в котором звучит медь. С таким голосом не тратят время на пустяки. Она тыкает наманикюренным пальчиком в кнопку с номером этажа, и мы начинаем подъем. — На перекрестке Чизвик-лейн красный горел целую вечность. У меня ушло двадцать пять минут на то, чтобы добраться сюда из дома. *Двадцать пять минут!*

У нее взгляд орла, который собирается спикировать на жертву, и до меня доходит, что она ждет ответа.

— О, — произношу я слабым голосом. — Вам не повезло.

Двери лифта открываются, и она выходит. Я следую за ней, созерцая ее идеальную прическу и вдыхая аромат духов (сделанных для нее по заказу в фирме «Анник Гуталь» в Париже, где она отмечала пятилетнюю годовщину свадьбы).

Это мой босс. Это Деметра. Женщина, у которой идеальная жизнь.

Я не преувеличиваю, когда говорю, что у Деметры идеальная жизнь. Поверьте мне — это правда. *У нее есть все, чего можно хотеть от жизни.* Работа, семья, крутость во всем. Все тип-топ. И даже имя. Оно такое особенное, что ей не нужно утруждаться, называя фамилию (Фарлоу). Она просто *Деметра*. Как *Мадонна*. «Привет! — говорит она по телефону своим поставленным голосом. — Это Де-мееее-тра».

Ей сорок пять, и уже больше года она занимает должность исполнительного креативного директора в

«Купер Клеммоу». «Купер Клеммоу» — брендинговое агентство. У нас есть несколько довольно крупных клиентов. В кабинете Деметры полно наград и фотографий в рамках, на которых она запечатлена вместе со знаменитостями. Имеется здесь и выставка продукции, для которой она создавала бренды.

Это высокая, стройная брюнетка с блестящими волосами и, как я уже упоминала, изумительными бровями. Я не знаю, сколько Деметра зарабатывает, но она живет в Шепардз-Буш, в потрясающем доме, за который явно заплатила больше двух миллионов (как поведала мне моя подруга Флора).

Флора также рассказала, что Деметра привезла из Франции дубовый паркет для своей гостиной, который стоил *целое состояние*. Флора ближе всех ко мне по должности: она криейтор. А еще она неиссякаемый источник сплетен о Деметре.

Однажды я даже пошла посмотреть на дом Деметры — просто случайно оказалась в этом районе. Я знала адрес — так почему же не взглянуть на дом босса? (О'кей, а теперь начистоту: я знала только название улицы. Номер дома я погуглила, когда там оказалась.)

Конечно, он удручающе хорош. Выглядит как дом из журнала. И это *действительно* дом из журнала. Его фотографию напечатали в «Livingetc». Был там и снимок самой Деметры: она стоит в своей белоснежной кухне, элегантная и креативная, в блузке из ретроситца.

Я немного постояла, рассматривая дом. Не то чтобы я завидовала — скорее задумалась. Это была задумчивость, смешанная с легкой печалью. Парадная дверь изысканного серовато-зеленого оттенка — несомненно, «Фарроу энд Болл» либо «Литл Грин». Дверной молоток в старинном стиле, в форме львиной головы, и элегантные светло-серые ступени, ведущие к парадной двери. Все остальное тоже весьма впечатляет: крашеные оконные рамы и модные жалюзи, а в саду — деревянный

дом на дереве. Но меня заморозили именно парадная дверь и ступени. Только вообразите: спускаться каждый день по красивой каменной лестнице, как принцесса из сказки. Как изумительно начиналось бы каждое утро!

Во дворе перед домом — два блестящих новеньких автомобиля: серый «Ауди» и черный «Вольво SUV». Все, что принадлежит Деметре, либо блестящее, новенькое и «в тренде» (дизайнерская соковыжималка), либо старинное, подлинное и опять же «в тренде» (старинное деревянное ожерелье, которое она привезла из Южной Африки). Пожалуй, «подлинный» — самое любимое слово Деметры: она использует его примерно тридцать раз в день.

Конечно, Деметра замужем, и, *конечно*, у нее двое детей: мальчик по имени Хэл и девочка по имени Коко. У нее миллион друзей, которых она знает «целую вечность». Она постоянно бывает на вечеринках, разных мероприятиях и на присуждении премий за дизайн. Порой она вздыхает и говорит, что это у нее третий выход в свет за неделю. И восклицает: «Это бесконечное обжорство — сущее наказание!», переобуваясь в туфли от «Миу-Миу». (Я выбрасываю в мусорный контейнер множество упаковок Деметры, так что по ярлыкам вижу, одежду каких фирм она носит. «Миу-Миу». «Марни». «Дрис ван Нотен». И много вещей от «Зара».) А потом у нее загораются глаза — и не успеешь оглянуться, как ее фотографии уже в фейсбуке, на странице «Купер Клеммоу», и в твиттере, и повсюду: Деметра в крутом черном топе (вероятно, «Хельмут Ланг» — его она тоже любит), сияющая, идеальная, с бокалом вина в руке, в обществе знаменитых дизайнеров.

Не думайте, что я *завидую*. Разве что чуть-чуть. Я не хочу быть Деметрой. Мне не нужны ее вещи. Ведь мне всего двадцать шесть лет — что бы я стала делать с «Вольво SUV»?